

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'је</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор)</i>	229
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия)</i>	236
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура</i>	246

А. Ф. Журавлёв
(Москва)

Восточнославянские этимологии

- (3. Укр. диал. *батю́та*. 4. Русск. *барахло*.
5. Укр. диал. *рахо́м'је*, белорус. диал. *рахамо́цье*)

В статье рассматривается деривационное устройство нескольких восточнославянских слов, в составе которых возможно вычленение исконных по происхождению редких префиксов *ба-* и *ра-*.

Ключевые слова: словообразование, этимология, восточнославянские диалекты, непродуктивные префиксы

Предлагаемые заметки касаются деривационного устройства нескольких слов, в составе которых возможно вычленение исконных по происхождению приставок, не входящих в продуктивные и малопродуктивные (*ко-*, *па-*, *су-*) единицы, образующие базовый префиксальный фонд восточнославянских языков в их письменных вариантах (см. список таких приставок для русского языка в [Кузнецова, Ефремова: 575–576]). Несмотря на давний, хотя и сдержанный интерес к этого рода словообразовательным элементам, их трудно отнести к обследованным в достаточной мере, что, помимо прочего, сказывается на невыработанности общепринятой терминологической их характеристики: «редкие», «нестандартные», «непродуктивные», «низкоупотребительные», «архаичные», «неактуальные», «утраченные» и под.¹

¹ Заведомо неточен, например, термин «архаичные»: живые и высокоупотребительные приставки *на-* или *про-*, например, ничуть не менее архаичны, чем **jь-* > *и-* (*и-верень* ‘клок; щепка; осколок’, гидроним *И-долга*; из примеров О. Н. Трубочёва) или *шу-* (укр. *шу-плоття* ‘вид одежды’). Не всегда оправдываются и оценки «неактуальности» тех или иных префиксальных единиц; так, А. И. Кузнецова и Т. Ф. Ефремова в указанном словаре, который опирается на сравнительно небольшой материал литературного языка (в работе анализируется «около 52 000 слов»), приставку *пра-* находят выполняющей функцию словопроизводства в настоящее время «чрезвычайно редко», тогда как одни только лингвисты-диахронисты в опровержение цитированного суждения могут предъявить десятки адекватных и субстантивов с этим префиксом, рождённых и рождаемых буквально на глазах: *прафинноугорский*, *прапермский*, *пракоми*, *пралезгинский*, *прачукотско-корякский*, *праяпонский*, *прамалайско-*

Более подробное рассмотрение редких восточнославянских префиксов (главным образом на диалектном материале) и беглый обзор необходимой литературы о них предусматривается в работе «Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации)» [Журавлёв /в печати/]. В настоящей же публикации в качестве примеров предлагается предварительный анализ некоторых образований с двумя такими приставками — *ба-* и *ра-* (с попутным упоминанием иных).

3. Укр. диал. *батю́та*

Выделение непродуктивных префиксов сталкивается со значительными техническими трудностями, преодолению которых могут помочь некоторые распространённые приёмы анализа.

Распознаванию редкого префикса может способствовать нахождение словообразовательно-семантических параллелей. Взять, например, укр. диал. *батю́та*, которое как апеллатив мне известно только по словарю Е. Желеховского, но встречается в украинско-белорусской антропимии (фамилии *Батюта* и *Батюто*). Желеховским оно толкуется как ‘kindischer Jüngling’ [Желеховський, Недільський I: 15], то есть ‘юнак з особливостями дитини’. ЕСУМ характеризует слово как «новотвір афективного характеру, можливо пов’язаний з *батько* (порівняй) вираз *батьків синок*)».

Думаю, что дело обстоит иначе. Отделив предполагаемый префикс *ба-*, мы получим основу *-тют’-*, подозрительным образом напоминающую ономастические названия детёнышей животных, чаще щенков: *тюттик*, *тютёк*, *тютька*, *цуцик* (они встречаются и в переносных значениях: полесскоукр. *т’ют’ік* — соединительная деталь в ткацком стане [Никончук 1986: 170], ср. разного рода скобы, блокираторы, спусковые крючки, иначе, заметим, называемые *собачками*, см. [СРНГ 39: 149–150; Никончук 1979: 243, 244, 246]), ср. русск. диал. *тютёк* ‘щенок’ и «презрит.» ‘молодой человеке, молодой парень’ [Даль, IV: 896], сев.-русс. *тюття* ‘человек тихий, застенчивый, неразговорчивый’ [Дилакторский: 516, 48 (ст. **Вахлюй**)], ‘бестолковый увальень’ («Ванька-то ходит у нас — тюття, ничё ни к чему мужик»), *тюття (да) ляпа* ‘неумеха’ [Пермский словарь 2: 1566], кубан. *цуценя́* о молодом невоспитанном человеке [Бо-

полинезийский, праафразийский, прабанту, прабалтизм, пракартвелизм, прадialect, прасемья, прасистема...

рисова: 164]. У пейоратива *тютя* ‘недотёпа, инфантил’ есть звонкий вариант — *дюдя* (см. о психосоматической «недоделанности» персонажа в рассказе Т. Толстой «Петерс»: «Да это не мужчина, а дюдя. Дундук какой-то эндокринологический»)².

С другой стороны, в префиксе *ба-*, который допустимо вычленять в имени *батюта*, усматривают звонкий аналог приставке *па-* (А. Е. Аникин не исключает, что это фонетические варианты: [Аникин РЭС 1: 23]) со значением ‘«недо-»’ [Даль, III: 1].

В этом случае семантико-словообразовательными параллелями к имени *ба-тютя* могут рассматриваться слова *па-щенок* и *недо-пёсок* (ср. названия молодых, «недошлых», по Далю, пушных зверей *недокунок*, *недолисок*, *недособоль*)³.

Отношения между словами укр. *батюта*, с одной стороны, и русск. *ветютя*, *ветютень*, *вятютя*, *вятютень* ‘угрюмый и глупый человек’, ‘вялый, неуклюжий, медлительный человек’ [Даль, I: 830; СРНГ 4: 207; 6: 80; Моисеев: 33], с другой, остаются для меня непрояснёнными.

4. Русск. *барахло*

Множественная отмеченность экспрессивного префикса *ба-* (*ба-хвалиться*, диал. *ба-дерюга* ‘одежда из грубого домотканого полотна’...), см. [Горячева 1982: 107–109], наталкивает на не привлекавшую до сих пор внимания возможность этимологического истолкования слова *барахло*.

Речь о включении его в гнездо *рух-/рых-(л)-*, к чему есть необходимые поводы. Прежде всего — это засвидетельствованность у Даля и в Словаре Академии 1822 г. слов *рухло* ‘домашняя утварь, вещи, пожитки’, ‘старая, изношенная, сломанная вещь’ [СРНГ 35: 276] (которому, зная и упомянув его, не придал никакого веса Ю. В. Откупщиков и назначил слову *барахло* неубедительную монгольскую этимологию, см. [Откупщиков 2001]), *рухло* ‘неопрятный, неряшливый человек’ [Словарь Низовой Печоры 2: 238], *рыхло* ‘опилки, стружки, щепки’ [Элиасов: 362] (ненадёжно: словарь переполнен фальсификациями и некорректными дефинициями), олон. *рохло* (*говорить с рохла* ‘...резко, грубо’ [СРНГ 35: 207];

² В сдвинутом значении — «о человеке, совершенно пьяном, или о таком, который каким-л. свойством или манерой поведения вызывает такие же отрицательные эмоции» — ряз. *дюдя* [Деулинский словарь: 160] ближе к словам вроде *зюзя*.

³ Слова *пёсик*, *пёсик*, *псёшко* применяются как брань или ласковое обращение к детям, см. [СРНГ 26: 301; 33: 99].

сюда же *рухлядь, рыхлядь, рыхлятина* (оценочное именование и вещи, и человека), *рохля, рохледь*... О правомерности предлагаемого сближения говорит и диал. *барахлѣть* ‘р ы х л ить, вз р ы х л ять’ [Псковский словарь 1: 115; Архангельский словарь 1: 111].

Думаю, что слово нужно членить на префикс *ба-*, дестимологизованный корень *-рах-*, вокализм которого объясняется редукцией безударного *о*, и суффикс *-л(о)*. Вокализм корня объясняется редукцией в безударной позиции (но с дальнейшим выравниванием и в подударном положении: *ра́хлить* ‘**рых**лить’ — наряду с *ро́хлить* [Пермский словарь 2: 283, 301], *ра́хля* ‘рохля, разиня; нерасторопный человек; неопрятный человек’ [Даль, III: 1660; СРНГ 34: 341; Словарь Мордовии 2: 1074]).

Из пунктуальности следует сказать, что в словаре Даля слово мечено ударением на втором слоге: *барáхло*, вопреки тому, что [Опыт: 7] (в 1852 г.) даёт только нафлекссионную акцентовку ([Vasmer I: 54; Фасмер I: 124] цитирует далевскую форму как преимущественную по сравнению с другой). Ни более ранних регистраций слова, ни иных случаев ненакорневого ударения в русском слове мне не встретилось.

А. М. Селищев считает слово *барахло* новоприобретением «в течение жизни «русских» в Сибири» [Селищев 1968: 372], но упускает из виду упомянутое свидетельство [Опыта], относящего слово к шенкурскому архангельскому говору, как и более поздние [Подвысоцкий: 22 (1885); Дилакторский: 16 (1902)] архангельские, вологодские регистрации слова, ещё воспринимавшегося как диалектное. Предложенное объяснение корневого вокализма редукцией /о/ в окающем наречии выглядит ошибочным допущением, но и приписывать слову исключительно севернорусское хождение оснований нет. Оно скорее производит впечатление диалектизма, который уже вырвался за начальные территориальные пределы и осваивается просторечием через аргю. В описаниях быта каторжников Сахалина у А. Чехова и В. Дорошевича (1890-е гг.) слово воспроизводится как ещё мало знакомое носителю литературного идиома, нуждаясь в пояснениях и отчуждающих кавычках. Получив же общеязыковую распространённость, слово могло усваиваться окающими говорами уже в ином фонетическом облике.

Что же до ударения *барáхло*, то не нужно забывать, что русское аргю тесно соприкасалось с польским, к обоюдным для них приобретениям. Можно предположить, что приведённый Х. (Г. В.) Улашиным в очерке польского криминального аргю русизм *barachło* [Ułaszyn 1951: 35–36] (проникший также в кашубский: *baraxło* ‘сброд’, ‘дешёвая игральная

карта' [Sychta VII: 6], см. [Popowska-Taborska 1987: 223; SEK I: 85]) и стал источником странного ударения у Далая.

Не безусловно ясной для меня остаётся только непосредственная смысловая мотивированность лексемы: поскольку *рушитъ* — это и 'двигать' и 'портить', то *барахло* — это 'движимое имущество' или 'ненужные, траченные вещи'? Имея в виду, что *рухлядью* называются и весьма ценные предметы (*мягкая рухлядь* — 'мех'), я больше склоняюсь к идее 'движимости'.

5. Укр. диал. *рахомѳ'је*, белорус. диал. *рахамѳье*

В украинском и белорусском Полесье были зарегистрированы слова *рахомѳ'је* 'хлам, барахло' [Никончук 1968: 89]; *рахамѳсьце, рахамѳье* 'барахло, непагрѳбныя рѳчы' [Тураѳскі слоѳник 4: 286] (произносительные, акцентные и прочие варианты — *рохомѳси, крахомѳде* и др. — в [ЛМГ: 67]). По версии [ЕСУМ 5: 33], украинское слово представляет собою видоизменение формы *лахміття*⁴. В этом следует усомниться. Составители словаря прошли мимо чрезвычайно близкого смол. *рахѳботье* 'тряпѳ, рухлядь' [СРНГ 34: 346], основное отличие которого от полесского слова — в наличии корневого (и коренного!) *-б-*; мена билабиальных *б* и *м* в этимологически тѳмных словах — явление вполне обычное. В смоленской и полесской лексемах мы усматриваем утратившую актуальность приставку *ра-* (которую предполагаем также в словах *рагоза, рогѳза* 'раздор, ссора', 'вздор, чушь', 'неуживчивый человек' и др., ср. *егоза*; смол. *рахлѳдка* 'неряха, замарашка', ср. *нехлѳда* то же; новг. *рахмѳжа* 'невоспитанный, неотѳсанный человек', ср. арханг. *гмѳза* бранное слово, волог. *гмѳзить* 'сердиться, ворчать, брюзжать', вост.-ср.-русск. *хмѳзѳть* 'трепать, хлестать', 'ходить без дела', 'суетиться' и др.; перм., уральск., сибир. *рачкнѳть* 'ударить', ср. *чкнѳть, чкать* 'бить, стучать'⁵). Основанием для этого служит целый куст диалектных слов

⁴ Трансформация, как предполагается в словаре, случилась под влиянием слова *рам'я* 'барахло'. Это последнее соответствует русскому диал. *ремѳ* (далее обширное гнездо разносуффиксных слов с начальным *рем-* 'лоскуты, тряпѳ и под.' [СРНГ 35: 52–63]); выбор его словарѳм в качестве субъекта влияния не очень понятен. Объединение в [ЕСУМ 5: 22] лексем *рам'я* и *ремѳ* с локальным грецизмом *рамаѳ* 'тряпка' очевидно ошибочно: славянские слова исконны и выводимы из **remy* 'лоскут, ремень'.

⁵ Этимологизацию глагола *чкать, чкнѳть* см. в [Варбот 2012: 400]. Ср. ещё *бачкнѳть* (*бачконѳть*), *бучкнѳть, чучкнѳть, лочконѳть, лѳчкнѳть, лечнѳть, бичнѳть, кѳчнѳть* [СРНГ 2: 162, 304; 3: 331; 15: 135; 17: 29, 164; Тимофеев: 116; Словарь

близкого строения, включая беспрефиксное: *хобóтье* (белорус. *хабóцце*, укр. *хабóття*), *охóбóтье*, *похобóтье*, *ухобóтье*, *ухобóдье*, *шúхоботъ*, *шúхобот*, *шехобáт*, испорченные формы *шúхопотъ*, *сухобот* (вряд ли с приставкой *су-*) и др. — все они несут значения ‘всякая дрянь’, ‘отходы от зерна’, ‘отбросы’, ‘негодные люди, сброд’, ‘ссора, распря’... Формальной базой для них является общеславянский глагольный корень **хав-*, многочисленные производные от которого несут широкий круг значений, группирующихся вокруг идеи ‘ущерба, вреда, порчи, пагубы’ (см. [ЭССЯ 8: 7]). Стоит заметить, что слово *хобот* (в котором сегмент *-от* — суффиксальной природы) имеет также значение ‘хвост’ (в старо- и церковнославянском, старочешском, старопольском, древнерусском, в русских диалектах; см. [ЭССЯ 8: 46–47; СРНГ 50: 323]), а с устройством и значениями слова *охоботъе* целиком совпадают деривационная схема и семантика, включая метафорику, слова *охвóстье*. В этой связи повторим уже упоминавшийся глагол *барáхвостить*, где также просматривается наша приставка *ра-* (в парной упряжке с *ба-*), морфный статус которой подчеркнут ударностью. Морфемная конструкция, которая вскрывается в слове **ра-хоб-от-ье*, окончательно затемняется в консонантных метатезах типа *охработъе*, *охробóтье* ‘старьё’, ‘щепки, обломки досок’, ‘сорняки’, *охрпóтье* ‘старьё’, *охрпóтки* ‘объедки’, ‘черепки’ и под. (яросл., волог., вятск., перм., уральск. — северо-восточная диалектная зона, в конечных усечениях вроде курск. *рохóба* ‘суета’ [СРНГ 35: 209] и зап.-брян. *рахúба* ‘возня, хлопоты’ [Расторгуев: 230]). Состав согласных в перм. *марэхóтье* ‘имущество; хлам’ [СРНГ 17: 370], как и в смол. *ру́хомоть* ‘лохмотья всякого рода’ [Добровольский: 803], брян. *бархомóтье* ‘верхнее длиннополное платье, лапсердак’ [Брянский словарь 1: 33], метатетически совпадает с консонантным составом приведённых выше полесских регистраций и показывает наблюдаемую в них подверженность взрывного звонкого билабиального колебаниям (*б ~ м*), в двух последних случаях, видимо, вследствие сближения с глагольным корнем *мот(ать)*.

Русского Севера 7: 84] — все ‘ударить’ (также ‘выстрелить’), но все ли эти глаголы с зачинами, напоминающими редкие приставки *ба-*, *ра-*, а также *ко-*, *би-*, *бу-*, *чу-*, *ло-/ле-* (о которых см. [Журавлёв /в печати/]), связаны именно с *чкать/чкнуть*? К субстантивным вхождениям в гнездо *лó-чкать*, *лё-чкать*, *лё-чкнуть* нужно относить пинежск. *ли-чкуёк* ‘шлепок’ [Словарь Русского Севера 7: 109].

Источники и литература

- Аникин РЭС — *А. Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М., 2007–. Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. Вып. 1–. Изд-во Московского ун-та, 1980–.
- Борисова — *О. Г. Борисова*. Словарь кубанских говоров: проект, материалы к словарю. Краснодар, 2004–2005. [Электронная версия.]
- Брянский словарь — Словарь брянских говоров. Вып. 1–. Л., 1976–.
- Варбот 2012 — *Ж. Ж. Варбот*. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб., 2012.
- Горячева 1982 — *Т. В. Горячева*. Этимологические заметки // Этимология. 1980. М., 1982. С. 103–114.
- Даль₃ — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. I–IV. СПб.; М., 1903–1909.
- Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
- Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
- Добровольский — *В. Н. Добровольский*. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Желеховский, Недільский — *С. Желеховский, С. Недільский*. Малоруско-німецкий словарь. I–II. Львів, 1886. [Пагинация единая.]
- Журавлёв /в печати/ — *А. Ф. Журавлёв*. Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации). /В печати/.
- Кузнецова, Ефремова — *А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова*. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- ЛМТ — Лінгвістичні мікраатлас Тураўшчыны. Мінск, 2016.
- Моисеев — *Б. А. Моисеев*. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010.
- Никончук 1968 — *Н. В. Никончук*. Из лексики полесского села Листвин // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 79–92.
- Никончук 1979 — *М. В. Никончук*. Матеріали до Лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979.
- Никончук 1986 — *Н. В. Никончук*. Эндемическая лексика Полесья // Этимология. 1984. М., 1986. С. 167–171.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Откупщиков 2001 — *Ю. В. Откупщиков*. *Барахло* // *Ю. В. Откупщиков*. Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 81–86.
- Пермский словарь — Словарь пермских говоров / ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Вып. 1–2. Пермь, 1999 [электронная версия].
- Подвысоцкий — *А. О. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2009.

- Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л., СПб., 1967–.
- Расторгуев — П. А. *Расторгуев*. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.
- Селищев 1968 — А. М. *Селищев*. Диалектологический очерк Сибири // А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968. С. 223–389.
- Словарь Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии / сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенова, Л. К. Чикина. Ч. 1, 2. СПб., 2013.
- Словарь Низовой Печоры — Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1, 2. СПб., 2003, 2005.
- Словарь Русского Севера — Словарь говоров Русского Севера. Т. I–. Екатеринбург, 2001–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; Вып. 3–. Л., СПб., 1968–.
- Тимофеев — В. П. *Тимофеев*. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- Тураўскі слоўнік — Тураўскі слоўнік. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.
- Фасмер — М. *Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Элиасов — Л. Е. *Элиасов*. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
- Popowska-Taborska 1987 — H. *Popowska-Taborska*. Skizce z kaszubszczyzny. Dzieje. Zabytki. Słownictwo. Gdańsk, 1987.
- SEK — W. *Boryś*, H. *Popowska-Taborska*. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Т. I–VI. Warszawa, 1994–2010.
- Sychta — B. *Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976.
- Ułaszyn 1951 — H. *Ułaszyn*. Język złodziejski. Łódź, 1951.
- Vasmer — M. *Vasmer*. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg, 1953–1958.

Summary

Anatoly F. Zhuravlev

East Slavic etymologies

(3. Ukr. dial. *батю́та*. 4. Rus. *барахло*.)

5. Ukr. dial. *пахомо́т'je*, Belarus. dial. *пахамо́цьве*)

The article discusses the derivational structure of several words with unproductive prefixes *ба-* (*ba-*) and *па-* (*ra-*).

Keywords: word-formation, etymology, East Slavic dialects, unproductive prefixes